

«Мито-тян, если ты расскажешь мне, что у тебя сегодня, могут быть серьезные последствия», — сказал Хирузен, пожевав губу и позволив свету в трубке полностью погаснуть. «Я рад, что ты пришел, но, — он тяжело вздохнул, — твой отец теперь Хокаге».

«Я знаю это, Оджи-сан. Я просто... я не хочу, чтобы он умер! Он нужен не только мне, но и деревне! И то, что он планирует сделать...»

— Не волнуйся, Мито-тян, — сказал Хирузен, печально улыбаясь милой маленькой девочке, которую в первую очередь вырастила его семья и ученики. «Возможно, я не мастер печати, но я могу придумать несколько вещей, которые могут помочь нам в случае... тяжелой ситуации». Он критически посмотрел на угрюмую девушку и задал самый первый вопрос, который пришел ему в голову, как только она привлекла его внимание к безрассудным планам Минато. — Как ты узнал, что твоя мать — джинчуурики?

Мито не хотела отдавать Цунаде; она могла только представить реакцию Оджи-сана, узнав, что пьяная Цунаде рассказала ей, что ее мать — джинчуурики Кьюби. «Я слышала разные вещи... А мама иногда шепчет проклятия «лисе». Ее ответ, казалось, несколько успокоил фигуру ее дедушки.

«Понятно», — пробормотал он, прежде чем снова закурить трубку. — Ты слышал, когда твою мать вызовут?

«Одзи-сан действительно стареет», — подумала Мито, свободно предоставляя мне информацию. Она не знала, что ее мать вообще будет уговорена, хотя это имело смысл. Ее быстрый ум продумывал сценарии, которые наверняка уже обдумывали жители деревни. Рождение Наруто ожидалось всего через две недели. «Я не знаю. Будет ли эвакуирована деревня? В качестве меры предосторожности? И нам нужно вернуть сюда Цунаде баа-чан, ты так не думаешь? Папа не хочет, чтобы я был рядом с мамой, когда все это пойдет наперекосяк — что это чушь, но он сказал, что хочет, чтобы я была в больнице».

Хирузен знал, что эвакуация деревни, возможно, сказав, что это учения, была хорошей идеей, и намеревался донести ее до Минато. Хотя его первой мыслью было, что рождение Кушины-тян может быть использовано Ивой или другой деревней как идеальный момент, чтобы напасть и снова схватить ее, пока рыжая еще слаба; он задавался вопросом, были ли мысли Минато сосредоточены исключительно на Кьюби и его расширяющейся семье. Наверное, нет: Минато любил свою деревню и был просто великолепен. Однако Хирузен знал, что в этот момент его мысли в первую очередь будут о семье, поэтому, возможно, он не продумал другие возможности.

Он также подумал о семье Намикадзе. Бывший Хокаге наблюдал, как девушка с четкими чертами лица выпятила грудь и решительно сжала кулаки. — О чем ты думаешь, Мито-чан?

«Если... если случится худшее, сделай меня джинчуурики. Не делай этого с Наруто-чан: он всего лишь ребенок».

Хирузен застонал: в этом было так много неправильного, хотя он считал девушку очень смелой, если она захотела взять на себя обязанности своего будущего брата, если случится самое худшее. — Мито-чан, я... боюсь, ты слишком стар для этого. Увидев, как девочка надулась и топнула ногой, он очень напомнил ей мать в молодости Кушиной. «Это секретная информация S-ранга, Мито. Твоя мать стала джинчуурики Кьюби вскоре после прибытия в деревню, когда она была немного моложе тебя. Ее сеть чакр не была... полностью сформировался, — вздохнул он, размышляя об этом. Кушина была студенткой

Академии, но она, конечно, уже начала тренироваться как куноичи, особенно с этими ее цепями и фуиндзюцу в Узушио. «Если тебя заставили сыграть эту роль и выживешь, ты никогда не обретешь тот контроль над чакрой, который есть сейчас. Я знаю, насколько важны твои цели, Мито».

Мито рухнула обратно на стул позади нее. Это были плохие новости: она была так готова сделать это ради Наруто. «На случай худшего», — напомнила она себе, сидя, нахмурившись и глядя в пол. Она хотела быть медиком АНБУ, чтобы иметь возможность спасти людей, будь то члены АНБУ или просто жертвы нападений, на помощь которым часто отправляли АНБУ. Потенциально она могла бы спасти множество людей — если отец когда-нибудь выпустит ее из деревни как члена настоящей команды АНБУ — ИЛИ она могла бы спасти ужасную потенциальную судьбу своего брата.

Однако у Хирузена возникла мысль: двойная печать. Возможно, разделить чакру Кьюби пополам, поместив половинки демона Инь и Ян в каждого из детей-полуУзумаки? Кушина на самом деле была не намного моложе Мито-чан на тот момент, когда стала джинчуурики. А Мито-сама, жена Сёдая, ПЕРВАЯ джинчуурики, была уже взрослой, когда взяла на себя свое бремя. Она выжила и в конечном итоге преуспела, получив способность вскоре даже использовать ирё-ниндзюцу, а также большинство своих устрашающих техник после того, как стала джинчуурики Кьюби.

...И она запечатала в себе всю Кьюби, как взрослую куноичи! Но, конечно, она, как и Кушина, была чистокровной Узумаки. Ему нужно было еще раз обдумать это и вернуться в свою библиотеку. Возможно, он мог бы даже поговорить с Джирайей и проникнуть в библиотеку Минато.

«Мито-чан, мы готовились к побегу Кьюби, когда ты родился, и это было во время войны. Печать твоей матери очень сильна, и все эти планы носят чисто предупредительный характер», — сказал Сандайме с нежной улыбкой, пытаясь сделать это. ребенок чувствует себя лучше. «Твои роды прошли великолепно, и я уверен, что у Наруто-тяна тоже все пройдет хорошо. Если ты действительно хочешь быть полезной и облегчить себе жизнь, почему бы тебе не провести немного времени со своей матерью? Поверь мне: один так или иначе, вы никогда не пожалеете о времени, проведенном с теми, кого любите».

Мито улыбнулась своему Оджи-сану и встала, чтобы обнять его. Она попрощалась с ним, принесла ему чашку чая, но он перезвонил ей. Он явно думал о тяжелых вещах, и она молилась, чтобы Профессор нашел лучший ответ на тяжелое положение ее семьи.

«Мито-чан, возможно, мне придется попросить помощи, пока я расследую это дело. Если мне понадобится твоя помощь, твой отец будет недоволен. Потенциально он может даже отдать тебя под трибунал», — предупредил он, просто чтобы заставить девушку задуматься о своих желаниях. снова. Мито была великолепной куноичи, и он чувствовал, что в будущем она сможет сделать замечательную работу для деревни.

Мито кивнула головой, полагая, что он все-таки подумывает о том, чтобы сделать ее джинчуурики. Она улыбнулась ему, как могла, и согласилась помочь, чем могла, чувствуя тошноту от того, что то, что должно было быть разумным существом — каким бы предположительно чудовищным оно ни было — должно быть заключено в клетку внутри любого человека. Или вообще в клетке! Она решила последовать его совету и проводить больше времени с матерью.

А ее отец... Она не собиралась дать им умереть!

«Где вы были, юная леди?!»

Мито громко застонал. Нет, подождите, я действительно хотел быть здесь... «Я просто ходил повидаться с Оджи-саном».

"Ой?" — спросила Кушина, ее волосы все еще потрескивали от чакры. Мито была так рада, что с ее собственными волосами не произошло такой странной вещи: ее мать выглядела устрашающе, когда ее волосы начали сечься и бросать вызов гравитации, каким бы хорошим человеком она ни была на самом деле. «Почему ты пошёл туда?»

Мито надулась и откинула волосы назад. «Когда я видела его в кабинете папы, он всегда занимается бумажной работой», — нахально ответила Мито, уперев руки в бедра и отбрасывая мать от того, о чем она на самом деле встречалась с Сандайме. «Почему?! Есть ли какая-то причина, по которой я не могу пойти туда? Он мой дедушка, 'тебана!»

— Ну... — начала Кушина, ее волосы начали падать до лодыжек, хотя почти так же быстро снова поднялись вверх. «Нет, но ты нам не сказал! Какаши-кун был тем, кто сказал нам, что ты ускользнул в темноте, а также он рассказал нам, что ты пытался проникнуть в одну из лабораторий этой змеи ! "»

— Ох, черт возьми, Какаши-кун, — сердито проворчала Мито, скаля зубы на мальчика, который стоял, прислонившись к стене, со скрещенными руками, как будто он не сделал ничего плохого. Она проигнорировала раздражение матери по поводу ее языка. «Тебе просто нужно было быть придурком и болтуном, не так ли?»

«Мито-тян!»

— Маа, маа, Мито-чан, — лениво протянул седовласый придурок, — моя работа — приглядывать за этим местом...

— Чушь! Ты должен охранять мою маму, а не быть болтуном-крысиным ублюдком-всезнайкой, который кладет на меня руки, как какой-то урод... И я никуда не «крался» !"

— Что? Что ты сделал, Какаши-кун? — опасно спросила Кушина, щелкнув выключателем и глядя на Джонина.

«Маа, сестренка Кушина, Мито-тян пыталась проникнуть в одну из лабораторий Орочимару-самы...»

"Сволочь!" Мито забыла, почему она была так, ТАК зла; она просто знала, что это так! К тому же, она тоже была чертовски напряжена из-за всей этой чуши с джинчуурики. И этот Какаши был таким стукачом ! «Ты пытался схватить меня, и я, черт возьми, тебя предупредил!» Кулак девушки был в воздухе, светясь чакрой.

Несмотря на всю смекалку Минато, которой обладала ее дочь, Кушина знала, что ее дочь теперь действительно бушует, как Узумаки - снова - и была близка к тому, чтобы напасть на мальчика, которого она считала своим сыном. И что еще хуже, Какаши-кун просто ухмылялся под своей маской! «ДОСТАТОЧНО», - закричала она, выбрасывая импульс чакры.

"Мама!" — закричала Мито, побежав вперед, чтобы поймать свою мать, которая, в конце концов, не упала. «Ты не можешь этого сделать! На этом этапе беременности тебе следует быть осторожным с использованием и стабильностью своей чакры».

«Ну, тогда тебе просто придется вести себя прилично, Мито-чан», — легко ответила рыжеволосая, стараясь не ухмыляться от интересного разнообразия имен, которые ее дочь теперь называла Какаша себе под нос. Действительно, «очень креативно», подумала она. Ей придется использовать некоторые из этих ненормативных комбинаций, но не по отношению к Какаша-куну, конечно.

Фугаку был бы идеальной мишенью.

«Я швырну тебя сквозь стену», — зловеще пробормотала девушка подростку в маске.

Какаша выглядел ужасно диким за своей маской, и Кушина была уверена, что услышала рычание мальчика, точно так же, как его отец, когда она и ее товарищи по команде Генинов действительно переборщили, раздражая его. — Ребята, вы просто смешны. Мито-чан, зачем ты пошел в лабораторию этого придурка Орочимару?

Мито надулась и попыталась выглядеть невинной, подавляя гнев. Хотя на самом деле это не сулило ей ничего хорошего, и она могла себе представить, что ее отец тоже нападает на ее дядю Рочи из-за этого. «У меня там есть друг. Ученица Орочимару-самы — девушка по имени Анко-тян, и мы очень хорошо ладим». Она не была уверена, правда это или нет. Обе девушки раздражали друг друга, но Мито считал, что с Анко очень весело и приятно находиться рядом. «И он сделал мне кимоно. Однако мне пришлось оставить его там, потому что я знал, что ты разозлишься!»

«Кимоно?» — потрясенно спросила Кушина. Она не смогла ответить на следующие несколько вопросов, которые у нее теперь были к дочери. «Как давно ты знаешь Орочимару? И откуда ты узнал о его лаборатории? И кимоно...» Черт: этот человек умеет одеваться! "...на что это похоже?"

Какаша застонал и пошел на кухню, привыкший к дефициту внимания Кушины и недовольный тем, что у Мито не возникло новых проблем. Какой большой рот была у этой девушки.

Если бы он был честен, он бы признался себе, что Мито (буквально), набросившийся на него накануне (и швырнувший его через дерево), задел его гордость. И его спина.

Днями позже -

Джирайя смотрел на сообщения своего сенсея и ученика, гадая, что, черт возьми, происходит. Обычно они оставляли его одного, когда Мито был в деревне.

«Оу, черт...» И так, Минато узнал, что он и Цунаде «иногда» оставляли Мито с Орочимару, да? Не то чтобы мой товарищ по команде был таким уж плохим! Он решил проигнорировать проблему и открыл записку своего сенсея, вытаращив глаза после прочтения, а затем просматривая ее несколько раз.

«...Двойные печати?» Это было слишком близко к рождению его крестника, чтобы это могло вызвать что-то кроме беспокойства. И все же вопросы Хирузена-сенсея заслуживали внимания. Пока у шиноби, раскалывающего эту предполагаемую оболочку, с которой каким-то образом столкнулся его сенсей, было достаточно чакры, он предполагал, что это сработает при достаточно сильной печати.

ЕСЛИ вещь можно было бы разделить.

Но что и где в мире находится эта штука Гедо Лабиринт/шелуха? И насколько прочная печать

потребуется, чтобы запереть его? И что он делал или раньше был домом? Было ли это теоретическим: что-то, о чем читал Сандайме, или его сенсей действительно обнаружил что-то предположительно древнее и невероятно опасное?

Или эта штука с шелухой была уловкой? Конечно же, его сенсей не думал о... Нет. Его сенсей больше не был Хокаге, им был его ученик!

А его ученик был гением.

Но всё же ... Чем больше он об этом думал, тем больше он решал, что ему нужно вернуться в Коноху. Он не хотел думать, что его сенсей или ученик сделают что-то ужасно опасное, когда он мог помочь.

Его решение снова рано покинуть Аме будет иметь последствия, которых он не мог себе представить.

<http://tl.rulate.ru/book/96211/3289469>